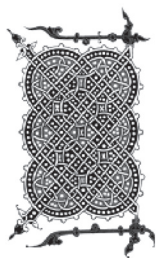

© 2022 Ю. А. Лабынцев
Москва, Россия

РУССКАЯ ВАРШАВА ПРОТОПРЕСВИТЕРА ТЕРЕНТИЯ ТЕОДОРОВИЧА (1867–1939)

Аннотация. Статья посвящена деятельности протопресвитера Терентия Теодоровича, уроженца Волыни, пастырское служение которого было тесно связано с судьбой Русской Варшавы первой половины XX в. Член «Святейшего Собора Православной Российской Церкви» 1917–1918 гг. от Варшавской епархии, активно взаимодействовавший со Святым Патриархом Тихоном, он стал одним из самых замечательных, но, к сожалению, почти забытых представителей Русского Зарубежья.

Ключевые слова: протопресвитер Терентий Теодорович, православие, Русская Варшава, Православная Польша, Православная Варшава, Русское Зарубежье.

Лабынцев Юрий Андреевич (Labyntsev Yuriy Andreevich) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, jlabync@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 29. С. 13–28

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

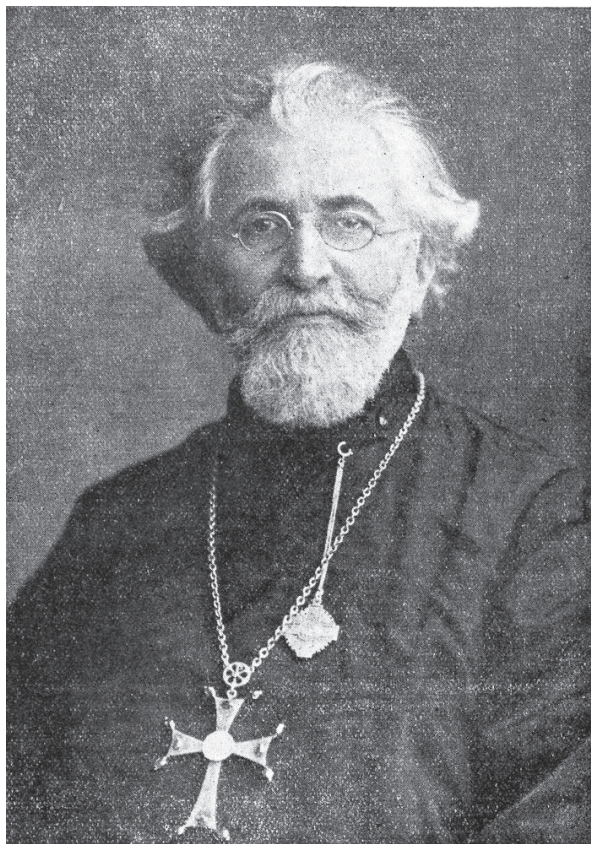
УДК – 93/94; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-29/13-28>

Определения Православная Польша, Православная Варшава, а тем более Русская Варшава для большинства наших современников звучат чересчур непривычно. Вместе с тем за ними стоят многовековые исторические факты, подтверждающие абсолютную правомерность таких определений. При этом в отношении и давней, и современной Варшавы, и всей Польши стоит помнить, что именования «русский» и «православный» в контексте данных пространств далеко не тождественны.

Собственно историю Русской Варшавы, города на несколько столетий младше Москвы, ставшего фактической столицей государства лишь к началу XVII в., что законодательно было утверждено лишь к исходу XVIII столетия, иногда предлагают вести с момента погребения здесь в 1620 г. виднейших представителей рода бояр Шуйских в особом склепе. А вот появившаяся на карте Европы в 1569 г. Речь Посполитая, включившая Польское королевство и огромные пространства Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, в превалирующей своей части православной была издревле. К этому следует добавить, что и в древнейшей истории собственно католической части Польши есть немало указаний на несомненную связь с кирилло-мефодиевской традицией (Mironowicz 2017: 37–73). Православная литургия служилась в Варшаве с давних времен, а само русское «церковное строительство в Варшаве восходит к XVII веку и связывается с православной часовней при русском посольстве» (Paszkievicz 1991: 40). Все же «постоянные русские церкви стали возникать в Варшаве» лишь после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., а в 1830-е годы с образованием тут особой епископии «церковно-религиозная жизнь русского населения в Варшаве... стала постепенно устраиваться на общих с империей основаниях» (Цветаев 1910: 322).

Все это в конечном итоге так или иначе отразилось на обстоятельствах жизни и видении мира протопресвитера Терентия Теодоровича, выходца из семьи потомственного волынского православного сельского священника Павла Теодоровича (Лабинцев, Щавинская 2005: 41–46). О. Терентий попадает в Варшаву в самом начале XX в., когда «количество всех православных церквей» в городе – «приходских, полковых, штабных и домовых – теперь уже превзошло не только число годов царствования Александра I-го, но и число лет государственования Николая I-го» (Цветаев 1910: 323), а к 1914 г. их было около пятидесяти.

«Сын Волыни» (Теодорович 1935а: 7), о. Терентий считал себя русским, ибо принадлежит «этот

Протопресвитер Терентий Теодорович.
Фото 1934 г. Из архива автора

термин – «русский» в самом широком смысле... человеку, связанному с народом всей территории сов. России – по национальности ли, вере, даже еще шире – просто по человечеству» (Теодорович 1935г: 301). О своем рождении 10 апреля 1867 г. и детстве в глухом полесском селе Вербично¹, где его восточнославянская часть поголовно продолжала именовать себя «русинской» и в 1921 г. (Skorowidz 1923: 24), о своем священническом становлении будущий протопресвитер очень проникновенно рассказал в обращении зимой 1910 г. к пастве храма Успения Пресвятой Богородицы на улице Медовой в Варшаве, в котором он становился настоятелем: «Я, по происхождению, сын старой духовной семьи, которая воспитала меня на просторе полей и лесов не богатого, но милого моему сердцу Волынского Полесья. Думаю, что ничто в создании моего нравственного облика не отразилось так сильно, так незабвенно, как светлые образы отца – скромного сельского священника, труженика до пота – и благоговейной матери, любившей нас – детей до самоотвержения. Атмосфера высокой религиозности, без тягостного принуждения в отношении к детям, правдивость, простота жизни, близость к природе и народу окружали меня с первых дней сознания до

выхода в самостоятельную жизнь. Мне не говорили, не загадывали – чем я должен быть. Я чувствовал, изредка слышал, как мечту, желание отца и семьи, чтобы я прошел высшую школу – и только. Я учился в духовной школе. По окончании ее не сразу стал священником, даже отклонил предложение мне принять священный сан, считая себя неподготовленным. Больше трех лет я был учителем, а затем в 1895 г. стал сельским священником. И только по принятию священства, я услышал от отца, что теперь исполнилось его заветное желание – он видит меня священником, но скромность его, всегда соединявшаяся с какой-то нежной любовью ко мне – не позволяла отцу предварить свое желание... И я благодарю Бога за свое священство, как бесценный дар и милость Божию для служения людям! 7 лет я священствовал в селе Дратове, Любл. губ. и благоговяю это время своей служебной деятельности, когда я впервые обручился с церковью, народом, как его пастырь. Там, под покровом свят. Николая, я учился пастырству, и воспитателями моими были мои сотрудники – псаломщик, учителя, народ и сама природа. Я так сжился, полюбил свою жизнь и свое дело, что никогда не думал расстаться с Дратовым, и расставаясь с первой своей церковью, с первым своим приходом, я, казалось, разрывал свое сердце. И вот уже с лишком 7 лет – моего служения в Варшаве, но духовная связь с первым приходом существует, и меня нередко ласкала мысль вернуться когда-нибудь в первобытное состояние. 7 лет я служил в первом Варшавском храме – Кафедральном соборе. Здесь жизнь другая, иные условия пастырского служения, и – что же скрывать! ведь правда – святее всего, – мне казалось, что я здесь был гораздо менее полезен, чем хотел бы, чем должен быть, что я был нужнее в Дратове, что осуществить свое понимание пастырского дела – не сумею. Передо мной была масса людей, но как-то далекая, маловедомая, объединявшаяся только в храме, а там – за храмом – как будто – чужие, а я прежде знал своих прихожан не только по имени, но по жизни, по духу, по нужде, по радостям их, – и тогда мне мечталось – небольшой храм, в котором бы даже пространство сближало пастыря и людей, где бы я знал своих, и мои знали меня. Заветная моя мысль о приходе, как тесном кружке верующих, объединенных со своим пастырем не только в молитве, таинствах, обрядах, но и в служении благу ближних, в делах взаимопомощи, – идея, которая создалась у меня на груди народа, которая глубоко залегла в моей душе, как что-то заветное, осмысливающее мою жизнь, – заставляла меня мечтать в этом направлении, изучать этот приходский вопрос и отчасти делать свои заветы предметом общественного достояния в печати. А сочувствие, выражавшееся мне со стороны даже

неведомых мне людей, ободряло и поддерживало мою веру в возможность осуществления моей приходской мечты. Не скрою, братие, – в жизненных мечтах, порой, когда желание чего-то лучшего устремляет нас в даль, я иногда останавливался и на Успенской церкви» (Теодорович 1910а: 83).

После окончания Волынской духовной семинарии Т. П. Теодорович поступает в 1887 г. в Московскую духовную академию, которая дала ему возможность глубинного познания России. Много позднее в Варшаве он так вспоминал об этом: «Я не знал России, живя на окраине ее. Не знал великорусского народа, соприкасаясь с ним лишь в литературе и в тех отдельных, немногих ее представителях, попадавших на Волынь. За годы Академии – я узнал русского человека – лицом к лицу, в лице своих товарищей, и, как рекой, плывущего в Святыню Лавры русского паломника; я узнал сердцевину страны – Москву. И тогда-то я духом полюбил русский народ, его душу высоко взлетающую и падающую в дебри, благочестивую и способную топтать все святое, всепрощающую, но при случае мстящую без пощады; народ и страну всяких возможностей, и все же в конце концов – страну, народ лучших надежд и упований – даже теперь, во дни ее страшного падения...» (Теодорович 1935а: 32).

Годы настоятельства в сельском православном храме в Люблинской губернии были, пожалуй, самыми счастливыми в жизни о. Терентия и его семьи. О своих прихожанах в селе Дратове, «народе благочестивом, честном, язык “подляшский” смесь украинского с польским, еще более с русским», он часто вспоминал с огромной любовью (Теодорович 1935а: 47). Собственно говоря, это были те же люди, что и в его родном Вербично, расположенном к востоку от Дратова всего лишь менее чем в ста верстах².

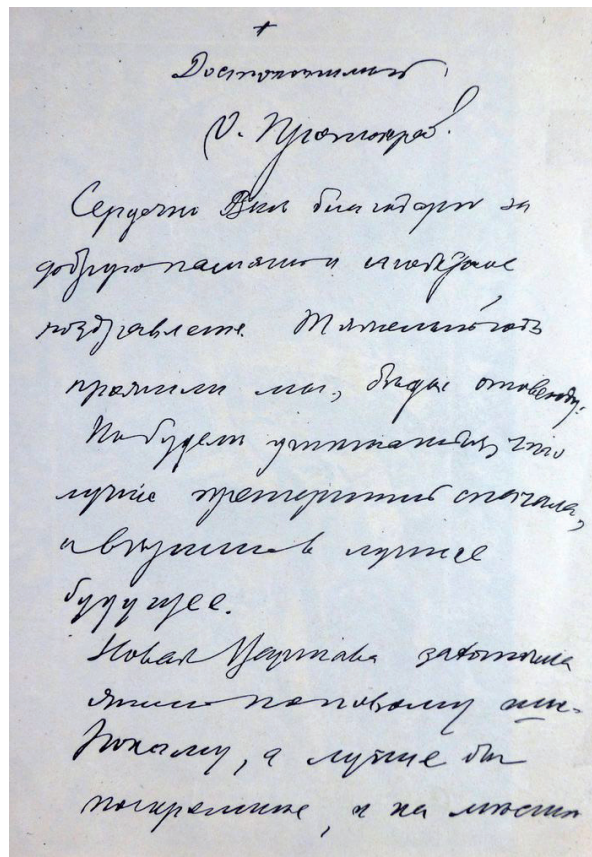
С переводом о. Терентия осенью 1902 г. в Варшаву, где он стал четвертым священником кафедрального Свято-Троицкого собора, начался первый этап его варшавской жизни. Он как-то достаточно быстро и органично стал живой частицей облика Русской Варшавы начала XX в., в которой тогда насчитывалось несколько десятков тысяч русского гражданского населения, огромное количество русских военных, около полусотни православных церквей и строились новые. Варшавское православное храмовое строительство тогда стало особенно заметным, и о. Терентий явился одним из тех деятельных духовных лиц, кто всячески помогал возводить новые церкви и часовни и освящал их. В своих сообщениях о новых православных храмах в городе будущий протопресвитер всегда под-

черкивал, что вот «создался новый храм, новое молитвенное место; в них так нуждается бедная православными храмами Варшава, особенно в настоящее скорбное время. Это – большая общерусская радость» (Теодорович 1906: 183). Особое значение для всей Русской Варшавы и о. Терентия имел величественный Александро-Невский собор на Саской площади, заложенный в 1894 г. при участии святого о. Иоанна Кронштадтского и уничтоженный по решению властей в новой независимой Польше в 1920-е годы, всего лишь через несколько лет после его возведения и освящения³. Варшавский Александро-Невский собор освятили в мае 1912 г., а уже через три месяца о. Терентий произнес о нем в своей проповеди в ознаменование столетней годовщины Отечественной войны 1812 г. такие слова: «В эпоху Отечественной войны... Россия лицом к лицу стала перед подъявшею меч Европой... может быть никогда в 1000-летней истории России любовь к Отечеству не достигала той народной собранности... не проявила тех высоких черт христианского духа... Прошло сто лет... и ныне в той стране, которая волей или неволей, подъяла с Наполеоном меч против России, высится этот величественный св. Александро-Невский храм...» (Теодорович 1912: 272–274). По мнению авторитетных польских историков архитектуры Александро-Невский собор был «апогеем храмового строительства в Варшаве» и «не только... православного, но и католического» (Paszkievicz 1991: 114). Собор, возведенный по замыслу и во многом благодаря энергии Варшавского генерал-губернатора И. В. Гурко (Гурко 1893: 169–170; Гурко 1894: 273), потомка древнего православного белорусского дворянского рода из Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, был гордостью Русской Варшавы. Еще одним особым памятным местом для православных варшавян являлся начавший формироваться в 1830-е годы Вольский некрополь, где о. Терентию также часто приходилось служить и в начале XX в. и позднее⁴.

После целого ряда публикаций в русской варшавской печати в 1907 г. выходит в свет первая книга будущего протопресвитера, посвященная проблемам приходской жизни, основанная на личном опыте автора, несомненно актуальная по сей день (Теодорович 1907). В этом небольшом по объему издании приводятся сокровенные мысли о. Терентия о призвании священнослужителя и принципах духовного служения, воплощенных в жизни родного прихода и общем делании на благо всей Церкви. Через два года печатается еще одна небольшая книга о. Терентия. Он посвящает ее Н. В. Гоголю, его религиозным взглядам и в целом проблеме православия в русской культуре (Теодорович 1909а). «Гоголь –

натура религиозно-мистическая, он проповедник, исповедник, “пророк”... великий человек-христианин... Религия была, можно сказать, жизненной стихией Гоголя – ею душа писателя питалась во все возрасты жизни, и ею же Гоголь больше всего был чужд передовым людям русского общества, даже своим друзьям» (Теодорович 1909а: 1–2). Подводя итог наблюдениям над жизнью и творчеством Н. В. Гоголя, о. Терентий однозначно определял: «... в “Переписке” – и образ самого поэта» (Теодорович 1909а: 16).

Фрагмент письма Патриарха Тихона
о. Терентию Теодоровичу.
Из архива автора

Тема истинного пастырства, поднятая о. Терентием в первой его книге, составленной из материалов, ранее опубликованных в «Варшавском епархиальном листке», волновала его всю жизнь. Особенно часто в этой связи он обращал свои взоры к святому Иоанну Кронштадтскому, который оказался навечно связан с Русской Варшавой, стал одним из главных лиц – устроителей Александро-Невского собора, на сооружение которого выделил и огромные личные денежные средства. О. Терентий много писал и проповедовал о великом русском православном пасторе: «О. Иоанна будут

изучать как живую школу пастырства, у него будут учиться и вдохновляться на лучшее пастырство... О. Иоанн – слава пастырства, слава русской церкви, слава христианства» (Теодорович 1909б: 56). По мнению о. Терентия, заслуги святого Иоанна перед всем христианским миром огромны: «... не только для русской церкви – русского народа, но – хочется сказать – для всего христианства (если бы оно хоть на время могло забыть свое разделение)», ибо «о. Иоанн в служении своем дал возможно высокое на земле выражение идеи пастырства» (Теодорович 1909б: 54).

Свое собственное писательство о. Терентий всегда рассматривал как особую форму пастырского проповедничества, пропаганды христианских идей, в том числе благотворительности, о чем им была издана третья по счету небольшая книга (Теодорович 1910б). Теоретические и практические проблемы гомиластики все чаще начинают интересовать будущего протопресвитера с момента настоятельства в варшавском Успенском храме. Тогда же активизируется деятельность о. Терентия как педагога, уделяющего много времени русской учащейся молодежи, для которой он даже устраивает православные паломничества из Варшавы. В круг его пастырских дел попадает и дошкольное воспитание, а также организационная работа по созданию специальных структур, занимающихся учебными пособиями и литературой для детей. Вместе с тем он всегда оставался пламенным исповедником живой проповеди в приходском обиходе: «Всеми мерами, даже в целях так необходимого поднятия пастырского авторитета, надобно достичь того, чтобы проповедь была обязательно частью литургии, в которой бы (проповеди) пастырь выражал пред людьми свою живую веру, открывал для научения свою живую душу, но “свою” и “живую”, отпечатанную в сердце и сознании, а не в строках мертвой тетрадки, которую предлагают теперь народу вместо живой души, живой речи. Через постоянную живую проповедь все богослужение, весь Закон Христов, все Евангелие станет живым, близким, а священник станет душой прихода, сознанием которого последний будет жить и дышать...» (Теодорович 1909в: 264).

Начавшаяся I мировая война, наступление немецких войск вынудили местное население, прежде всего православное, к массовой эвакуации. Тем не менее в первые несколько месяцев военных действий, проходивших вдалеке от Варшавы, «церковная и религиозная жизнь православного населения гор. Варшавы... не только не ослабела в своем развитии... но даже заметно поднялась, достигла высокого напряжения и расширилась в своих про-

явлениях» (Шингарев 1915: 9). Особенно заметно все это было на примере мужественной подвижнической деятельности настоятеля Успенской церкви о. Терентия Теодоровича и его активных прихожан, развернувших огромную работу по поддержке православного населения, как из числа эвакуированных, так и местных варшавян, с раздачей денежных средств, устройством бесплатных столовых, снабжением одеждой и обувью (Шингарев 1915: 10–11). Вскоре, однако, и он и его прихожане вынужденно покидают родной город, отправляются в бегство, наступает новый этап в жизни Русской Варшавы, эвакуационный, отъезд в глубь Российской империи, на земли, не затронутые военными действиями. Об этом новом этапе своей жизни о. Терентий оставил нам воспоминания, полные описаний трагизма произошедших в этот беженский период событий (Теодорович 1935а: 122–186). Это был второй, очень своеобразный период его все еще как бы варшавского существования, когда он оставался одним из авторитетнейших священников Варшавской епархии, в 1917 г. избранный председателем чрезвычайного Варшавского епархиального съезда духовенства и мирян в Москве. В качестве члена Поместного Собора Православной Российской Церкви от Варшавской епархии протоиерей Терентий Теодорович один из самых активных его участников, особенно в III, V, VII, VIII, XV и XVIII отделах. Вплоть до отъезда летом 1921 г. в Варшаву длится этот пятилетний беженский период в жизни о. Терентия и его семьи, потерявшей в 1919 г. единственного сына Бориса – морского офицера, расстрелянного в Кронштадте за участие в восстании «на форту Красная Горка» (Теодорович 1935а: 172–173). Из Варшавы о. Терентий с семьей был вывезен в Петроград, где служил в столичных церквях, а затем в качестве настоятеля в Преображенском храме на Аптекарском острове. Он непререкаемый участник заседаний Религиозно-философского общества, где знакомится, в частности, со многими известными русскими интеллектуалами, в том числе с Д. В. Filosoфoвым, с которым совместно дают «к чести Православия... должный ответ... самонадеянному вызову представителей Католичества» (Теодорович 1935а: 129).

Главные же события церковной жизни о. Терентия в этот беженский период были, конечно, связаны с подготовкой и работой Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. и личным взаимодействием с патриархом Тихоном, которого он пророчески назвал «Святым» (Лабынцев 2008: 181–189). Постановления Собора стали частью всей дальнейшей пастырской судьбы будущего протопресвитера, основой воплощения выработанных церковных начал в

Фрагмент Патриаршей грамоты участнику
«Священного Собора Православной Российской
Церкви» 1917–1918 гг. протоиерею
Терентию Павловичу Теодоровичу
(из кн.: Лабунцев Ю., Щавинская Л.
Православная литература Польши
(1918–1939 гг.). Минск, 2001)

условиях организации православной жизни в Межвоенной Польше (Лабунцев 2022: 5–9). О. Терентий постоянно вспоминал о Соборе, писал в его защиту, развивал соборные постановления в практике своей пастырской деятельности, включая подготовку собственного собора Православной Церкви в Польше, начиная с 1920-х и по 1930-е годы. Он гордился своим участием во Всероссийском Церковном Со-

боре и званием его члена, особо подчеркивал это: «Как б. член Московского Всероссийского Собора, со дня его открытия – 15 августа 1917 г. до последнего заседания 7 сентября 1918 г.; и как приходской священник, проживший в большевистской России еще три года после закрытия Собора» (Теодорович 1927а: 146–148). О. Терентий «уже в новых условиях церковной жизни» в Польше считал «своим нравственным долгом» всячески защищать Собор, ибо «лучшие силы Церковной России, по свободному выбору, были участниками Собора. Обсуждения велись совершенно свободно без давления какой бы то ни было власти; спокойно, без каких-либо осложнений, которые, казалось бы, возможны были в это смутное время в таком многочисленном собрании, свыше 450 человек. Нахлынувшая на Москву волна большевизма со всеми ужасами Московской междоусобицы еще сильнее оттеняла важность Соборного дела, углубляла в сознании участников Собора церковную ответственность, внедряла “страх Божий”» (Теодорович 1927а: 146).

К середине августа 1921 г. семейство Теодоровичей с большим трудностями вернулось в Варшаву, где его глава стал служить в митрополичьей Марии-Магдалинской церкви, фактически являвшейся кафедральной. Так начался третий и последний этап жизни о. Терентия в пространстве Русской Варшавы. Его приход занимал центральное положение в тогдашней православной Польше, а основная масса прихожан состояла из русских, преимущественно эмигрантов, бывших очень активной, хотя и весьма малой частью почти пятимиллионного православного населения II Речи Посполитой. Русская Варшава в Межвоенной Польше стала в основном эмигрантской, пропустившей через себя огромное число лиц, стремившихся уехать из бывшей Российской империи, и лишь частично со временем приютившая их. Русские варшавяне во II Речи Посполитой были в значительном числе людьми интеллигентных профессий, общее их число в конце концов стало колебаться в среднем около десяти тысяч человек. В большинстве своем они так или иначе хорошо знали старейшего варшавского православного пастыря протопресвитера Терентия Теодоровича, активно проповедовавшего устно и печатно, в том числе на страницах такого известного во всем Русском Зарубежье периодического издания, как варшавская газета «За свободу», имевшая специальный отдел церковной жизни (Лабунцев 1995: 53–54).

Необходимо признать, что у нас в России по сей день слишком мало работ, посвященных русской эмиграции в Межвоенной Польше, совершенно не-

достаточно и таких, чья тематика связана с судьбой ее православного населения, в основном украинского и белорусского, по преимуществу крестьянского, искони жившего на своих исторических землях, аннексированных II Речью Посполитой. Все это в полной мере относится и к Варшаве с ее варварски разрушенным Александро-Невским собором (Лабынцев, Щавинская 2000: 547–548), множеством собственно русских эмигрантских культурных и политических организаций, включая различные союзы, объединения, группы и даже своего рода партии. Варшава была главным центром всей этой русской жизни и притом не только эмигрантской. Сейчас, пожалуй, самый простой способ количественного определения масштаба и границ всего пространства русской эмигрантской жизни в Межвоенной Польше – изучение тамошней русской периодической печати, только в предварительном подсчете которой сбились даже наши польские коллеги, располагающие в своих государственных, церковных и частных собраниях наиболее полным ее числом (Mazur 2015: 180–182). Необходимо признать, что многое зависит, конечно же, от принципов подсчета, но, в общем и целом, это количество значительно превосходит сто русских эмигрантских периодических изданий. Отец протопресвитер оказался не только свидетелем, но и очень активным участником русской эмигрантской жизни Варшавы, много делавшим для духовного и даже материального ее поддержания, крестивший и провожавший в последний путь многих ее участников (Лабынцев, Щавинская 2003: 25–37).

Вольское православное кладбище с его храмом и митрополичьей церковью на Праге стали тогда и остаются до сих пор основными православными святынями Варшавы. Как писал в своих рукописных записках польский инженер А. Григорович, бывший «с 1924-го по 1932-й г. ... старостой Вольской кладбищенской церкви» и много сделавший для сбережения этого православного некрополя, а также изучения его истории, здесь «в 1921 году, на вакантную должность псаломщика, был назначен варшавский старожил Фома Теодорович» (Григорович 1954: 1, 19), носитель фамилии очень распространенной в западных регионах Российской империи, прежде всего на исторических белорусских и украинских землях. С начала 1870-х годов «он был певчим в хоре Собора Св. Троицы на Долгой улице» в Варшаве и прекрасно помнил «приезды в Собор... последнего Наместника Царства Польского фельдмаршала графа Ф. Ф. Берга, участника войн 1812, 1828–29 и 1831 гг.» (Григорович 1954: 19). Кладбищенская хроника А. Григоровича полна горестных упоминаний не только о наступлении ка-

толического Костела на территорию Вольского православного кладбища, когда отбиралась его земля, перемещались захоронения, но и об исчезновении надгробных памятников и сравнении могил. При этом все делалось с «разрешения магистрата на перемещение всех могил с отчуждаемого участка» (Григорович 1954: 20). Вольское православное кладбище польская католическая общественность и власти Варшавы вслед за взорванным Александро-Невским собором на Саской площади предполагали снести, а на его месте разбить парк. Суть забытой уже всеми сейчас острой тогда дискуссии, грозившей в итоге огромной бедой не только для Русской, но и всей Православной Варшавы, даже для всей Православной Польши, очень лапидарно описана А. Григоровичем: «С 1926 по 1931 г. в современной варшавской печати были помещены статьи о необходимости закрытия Вольского православного кладбища... Воля лишена парка, который и следует тут устроить» (Григорович 1954: 21).

О. Терентий с момента своего возвращения в Варшаву в силу пастырских обязанностей постоянно бывал на Вольском кладбище. Возрожденное Польское государство оставило своим православным гражданам, составлявшим около 12% населения страны, всего лишь три храма в столице – митрополичий, в котором служил протопресвитер Терентий Теодорович, Троицкую церковь и кладбищенский, при котором возник детский приют, содержавшийся на средства Митрополитального благотворительного общества, где самым главным лицом был тоже он. «Делу милосердия», «нашему делу милосердия», то есть «благотворительности» о. Терентий отдавал много сил и помимо многолетней практической работы, устно и письменно проповедовал церковные заветы этого «нашего общего христианского долга служить ближним» (Теодорович 1927б: 1–4). Во многом и ему принадлежит инициатива начать кампании в Русском Зарубежье по организации помощи голодающим в СССР, «голодающим братьям в сов. России», когда «дело помощи несчастным братьям нашим» является «святым делом Милосердия» (Теодорович 1934). Православные во всей Межвоенной Польше, в городах и селах, собирали денежные средства в различных валютах, включая доллары и франки, драгоценности, золото. Помощь пересылалась не только тысячам простых семей в СССР, но «ссылным Епископам и духовенству на Соловках». В сборе пожертвований «деревня в общем» была «щедрее городов», за исключением Варшавы, а его ход – «соприкосновением» с несчастьем единоверного и единоплеменного народа». О. Терентий прекрасно сознавал, что его инициатива «помогать голодающим в Сов. России»

– особая христианская нравственная миссия, когда «Церковь Православная в Польше в минуту страшного несчастья своей Матери Церкви, – протянула в ее сторону свою руку помощи!» (Теодорович 1934).

Гонения на Русскую Православную Церковь в СССР особо скорбны были и для всего православно-го Русского Зарубежья. Одним из инициаторов горячей всеобщей молитвенной поддержки «гонимых и страждущих за веру в советских республиках» (Из молебного пения 1930)⁵ являлся протопресвитер Терентий Теодорович. Во многом именно он способствовал установлению специального церковного «Дня для памяти Российских мучеников и исповедников», в который «перед сознанием каждого русского человека – следовало бы – человека вообще – встает во всех неопикуемых ужасах Голгофы Российской, звучащая предсмертными воплями миллионов жертв, залитая морем человеческой крови – родных, друзей, знакомых и незнакомых, но братьев по вере и крови». «Это будет день христианского, народного траура для Зарубежной России... днем молитвенной памяти о страдальцах советской России для всего Русского Зарубежья!» (Теодорович 1935д: 319).

Постоянное общение с виднейшими представителями интеллектуальной элиты Зарубежной России, часть которых может быть отнесена к числу его очень близких знакомых, например Д. В. Философов, в значительной степени сподвигло о. Терентия на своеобразную пастырскую работу именно с ними, а также с православной интеллигентной молодежью, для которых, в частности, предназначались его не потерявшие своего значения обзоры-размышления на основе «современной религиозно-философской литературы» о «существовании русского православного сознания», ««Живой церкви» и религиозном возрождении России», «пути Православия», «свойствах православного сознания» и многом другом. «В переживаниях неслыханных катастрофических событий приоткрывается и уясняется многое из того, что ранее было неясно. Открываются для нас с небывалой ясностью и драгоценные сокровища нашей веры» (Теодорович 1924а: 168). «В эти страшные годы в глубине России, в душах русских людей идет внутренняя незримая работа, которая приведет к Церковному возрождению... оно будет творческое... Только им и может быть спасена Россия!» (Теодорович 1924б: 615).

При этом принцип соборности видится о. Терентию совершенно универсальным и спасительным для церкви как в бывших российских имперских условиях, так и в случае с Межвоенной Польшей. При его активнейшем участии готовится созыв

Всеполюского Поместного Собора Православной Церкви, история которого одно из самых драматичных событий в жизни польских православных и судьбе самого о. Терентия. Автокефалию Православной Церкви в Польше он считал вынужденной, а саму проблему необычайно болезненной. «Ведь, несмотря на административно-церковную независимость нашу от Российской Церкви, нашу автокефалию, мы верой, обрядом, традициями связаны с церковной жизнью многострадального русского народа. Связанность необходимо-вселенская, особенно если вспомнить, что православный народ в теперешней Советской России составляет 3/4 всего православного мира. Мы получили все церковное наследие Востока через Российскую Церковь» (Лабунцев 1995: 57–58). Такие взгляды способствовали весьма непростым отношениям протопресвитера Терентия Теодоровича, авторитетнейшего в церковной и светской среде, с высшей иерархией и самим митрополитом Дионисием (Валединским), который, к радости польских журналистов, подвергал его различным наказаниям вплоть до запрета в служении (Z Cerkwi prawosławnej 1930: 2). Особенно памятным в данной связи стало его «вольномудство», которое основывалось только на том, что провозглашаемые о. Терентием основы соборного устройства пришлись не по вкусу оптимистам из Иерархии» (Wol-Wolanowski 1930: 2). Следует признать, что все тогдашние процессы в православной среде Межвоенной Польши и в целом история ее Православной Церкви не так хорошо изучены, и у разных исследователей порой получают совершенно противоположную оценку (Свитич 1959; Купраец 1974; Papierzyńska-Turek 1989). Несомненно, сложной, драматической была и фигура митрополита Дионисия, коренного великорусского человека, муромчанина, вначале исповедника идей «Союза Русского народа», которому затем многое пришлось пережить и как действовавшему церковному иерарху, и как отправленному на покой гражданину Польской Народной Республики (Dudra 2010). С одной стороны, митрополит Дионисий слыл среди многих польских православных, включая и церковно-священнослужителей, «полонофилом», а с другой стороны, в основном польская католическая часть населения считала его несомненным «русофилом» и даже «москвофилом», что, все же, не было лишено исторической правды, ибо сам он считал «лучшей скрепой» для единства Православной Церкви в Польше «церковнославянский язык в русском произношении» и «в целом русскость Церкви», стремясь «к сохранению единства Церкви, однако на основе русскости» (Dudra 2012: 33–34). Очень важно привести слова о митрополите одного из его учеников и известных православных деятелей, доктора богословия про-

тоиерея Алексея Зноско, который, называя Блаженнейшего «великим Архипастырем», считал, что в трудных условиях он «нес огромную тяжесть ответственности за судьбы Церкви» (Znosko 1994: 25). К варшавским православным митрополит Дионисий обращался «Православные русские люди...» – «Варшавские “чада мои”» (Дионисий 1933: 357).

В 1935 г. в Варшавской Синодальной типографии печатается трехтомное собрание писаний о. Терентия, которое он посвящает «сопастырям Св. Православной Автокефальной Церкви в Польше, соединяя это посвящение с посвящением и основному принципу Православия – Соборности, ибо... она – Соборность – это есть душа Православной Церкви, это биение пульса церковного организма, его жизненный нерв, от движения которого зависит самая жизнь Церкви» (Теодорович 1935б). Трехтомное собрание сочинений протопресвитера – ценнейший источник не только по истории православной жизни в Межвоенной Польше, но и в Российской империи конца XIX – начала XX в., а также трагического периода всех военных и революционных лет. Принимая во внимание особую важность личного взгляда о. Терентия на судьбы межвоенного польского православия, споры о которых не смолкают по сей день, в конце статьи мы помещаем написанный им краткий очерк «Православная Церковь в возрожденной Польше (1921–1934)».

Весной 1938 г., когда общее давление польских властей на православие и православных граждан в стране достигло своего апогея, на Холмщине и Подляшье стало резко усиливаться его военно-полицейское проявление, переросшее летом в разрушение сотен церковных зданий. В том числе около 150 православных храмов, включая и очень древние (Аксжа burzenia cerkwi 2009). Подобное варварство в Европе XX в. привело в негодование буквально весь христианский мир, однако тревожное предвоенное время и ужасы последовавшей войны надолго заставили забыть об этой православной трагедии⁶. Реакцией на холмско-подляшские события в самой II Речи Посполитой стали моментальные многочисленные протесты на всех уровнях, включая Сейм и Сенат. Тогда же православный митрополит Дионисий собрал особое совещание епископов, состоявшееся 16 июля 1938 г. в Варшаве. Предваряя эту встречу, протоиерей Терентий Теодорович подал на это собрание свой «мемориал» – «скорбное обращение», полное негодования, о деятельности православного епископата во главе с митрополитом. В этом документе, в частности, он писал: «Народ уже являет... исповедничество. Он борется за веру, за свои святыни, самоотверженно защищает

Портрет протопресвитера Терентия Теодоровича, выполненный его дочерью, известной художницей Еленой Теодорович-Карловской (из кн.: Лабынцев Ю., Щавинская Л. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001)

свои храмы и за это выселяется из своих родных мест, подвергается штрафу, арестам, тюремному заключению... Но теперь очередь исповедничества за Иерархией, без которой нет Церкви, но которая в исторической перспективе нашей Православной Церкви в Польше... себя не оправдала... Автокефалия без всяких прав, без согласия церковного народа и своей Матери-Церкви? Готовы! Забыть свой национальный язык в проповеди, в общении с народом и даже в домашней обстановке? И на это согласны! Только бы свое положение, свои привилегии, удобства, власть сохранить... Все сие пишу не в осуждение – суд будет Божий и истории... ведь вопрос быть или не быть Церкви, Православию на Холмщине? Там только начало, все остальное пойдет повсюду» (Теодорович рукопись).

Заседание Варшавско-Холмского епархиального собрания 28 декабря 1933 г. Слева направо: епископ Люблинский Савва (Советов), митрополит Дионисий, протопресвитер Терентий Теодорович, А. Свитич. Из архива автора

Жизнь о. Терентия оборвалась в первые дни II мировой войны, 25 сентября 1939 г. во время бомбежки немцами Варшавы он погиб. А почти за три месяца до этого протопресвитер в последний раз отслужил в своем Марие-Магдалинском соборном храме литургию и попрощался с прихожанами, которые поднесли ему множество подарков и торжественных адресов, в том числе от «целого ряда общественных организаций Варшавы: Главн. Правления РБО⁷, Русского Попечительского Комитета⁸, Главн. Правления РОМа⁹, Русской гимназии и др.» (Прощальное Богослужение 1939). В своей прощальной проповеди отец протопресвитер проникновенно говорил об апостольском служении священника: «С большой тревогой в сердце я занимаю сейчас это проповедническое место в сем храме... Апостольство иерархическое – это звено, соединяющее души человеческие с Пастыреначальником – Христом. Как много зависит от тех, кому дана власть и благодатная сила вещать глаголы жизни вечной, вести людей по Евангельской лестнице к Небесам и Правде Божией! И потому, какая неизмеримая и страшная ответственность, и на земле, и на небе, лежит на нас – служителях и преемниках апостольского звания, которым дана такая исключительная власть на земле!» (Теодорович 1939: 454–455).

Многие слова протопресвитера Терентия Теодоровича, касающиеся мирового православия, патриарха Тихона, будущего России, оказались пророческими. О. Терентий видел патриарха Тихона «Святым», когда «... с годами, по мере возрождения Русской Православной Церкви, все ярче будет блистать» он «на православном горизонте как путеводная звезда – и пребудет... в светлой памяти Православной Церкви не только “Святейшим”, но – дай Бог – “Святым”» (Теодорович 1935в: 119). Православная Россия возродится: «Придут “свои сроки” и Светлость Христа и окружающей Его святости освободится в грешном человечестве от излишних исторических человеческих наслоений, и Православие, своею широтой и углубленностью, больше всего способно к такому просветлению. И кто знает, не начнется ли оно – это просветление оттуда, где сейчас мрак, где сейчас духовная ночь. “Солнце догорает на Западе, а восходит на Востоке...”» (Теодорович 1935в: 279).

Во время Варшавского восстания, в начале августа 1944 г., вместе с почти ста детьми православного приюта и семьями причта Вольского кладбищенского храма вдова Терентия Теодоровича Антонина и их старшая дочь художница Елена были зверски убиты гитлеровцами (Sendulski: 11).

* * *

В качестве важного приложения к настоящей статье мы помещаем полный текст «краткого очерка» истории Православной Церкви в Польше 1921–1934 гг., специально написанный протопресвитером Терентием Теодоровичем для трехтомного собрания своих сочинений и помещенный в самом начале первого тома (части) на с. 13–16.

«Православная Церковь в возрожденной Польше (1921–1934)

Краткий очерк

Православная церковь в Польше, создавшаяся в границах возрожденного (1918 г.) Польского Государства, до своего автокефального устроения в 1925 году составляла часть Русской Церкви и управлялась автономно по благословению Патриарха Московского Тихона, утвердившего Митрополитом в Польше Архиепископа Георгия, б. Минского, прибывшего в Варшаву в августе 1921 года. С этого момента и начинается организация Управления Церковного в Польской Республике.

До 1921 г. в пределах Польши было несколько Епископов, но не было объединяющего центра, ибо в Варшаве, столице Государства, Епископа не было. Ближайшим и ведавшим церковными делами в Варшавской и Холмской Епархиях – был Епископ Белостокский Владимир. Самой обширной Волынской Епархией управлял, не оставляя ее и во время войны, Епископ Кременецкий Дионисий (ныне Митрополит); на Виленщине – Арх. Елевферий; в Пинске – Еп. Пантелеймон. Был еще викарный Епископ Бельский (в Яблочинском монастыре) – Сергей. В Варшаве образовался Церковный Совет, поставивший своей задачей – в безвременье – защиту церковных интересов. С прибытием в Варшаву Архиеп. Георгия, приглашенного Правительством из эмигрантского Зарубежья, вместе с организацией Высшего Церковного Управления – Священного Синода, начинается дело об автокефалии Польской Церкви. Патриарх Тихон не соглашался на автокефалию Православной Церкви в Польше, считая, по тому времени, что этот вопрос подлежит компетенции лишь Всероссийского Собора. Не было полного единства и в сонме местных Иерархов по вопросу об автокефальном устроении Православной Церкви в Польше. 14 июня 1922 года на заседании Свящ. Синода из пяти Епископов под председательством Митрополита Георгия и при участии Правительственной Власти и двух Протоиереев и Секретаря Консистории, как Секретарей Собрания, была условно принята большинством епископских голосов автокефалия Православной Церкви в Поль-

ше. В ближайшее время, пока вопрос о церковном управлении и церковной жизни вообще еще не был урегулирован, Православную Церковь в Польше постигло страшное несчастье, небывалое в Церкви. 8 февраля 1923 года Архимандритом Смарагдом (Латышенко) был убит Митрополит Георгий. Так кроваво-печально началась новая история Православной Церкви в Польше.

Преемником-Митрополитом Православной Церкви в Польше Собором наличных Епископов избран был Архиепископ Волынский Дионисий и ныне возглавляющий Церковь в Польше. Вопрос об автокефалии получил свое окончательное разрешение в 1925 году. Делегация Вселенского Патриарха Василия III, возглавляемая Митрополитом Халкидонским Иоакимом, при участии Митрополита Сардийского Германа, прибыла в Варшаву для вручения “Томоса” Синода Вселенской Константинопольской Церкви об автокефалии Православной Церкви в Польше, который был торжественно провозглашен 17 сентября 1925 г. в Митрополичьем Кафедральном Соборе, в присутствии Представителей Правительства, делегаций Румынской Церкви, во главе с Митроп. Буковинским Нектарием, всех Иерархов Польской Церкви, многочисленных представителей Духовенства Митрополии и народа, – и, по прочтении его, вручен Митрополиту Дионисию.

Православная Церковь в Польше стала независимой от Русской Церкви, автокефальной. Но Церковь – пока – не определена законодательно, ни в правовом, ни в имущественном своем отношении.

Взаимные отношения Церкви и Государства определяются так называемыми “Временными Правилами”, изданными в порядке административном 30 января 1922 года, но, по общему сознанию, неудовлетворяющими теперь своему назначению. Внутренне Церковь управляется еще по старым синодально-консисторским нормам. Сознание о необходимости установить соборное начало в Церковном строе, постепенно проникавшее в церковные и правительственные сферы, нашло выражение в изданном 30 мая 1930 г. Декрете Президента Польской Республики о созыве Всеполюского Православного Собора и об открытии Предсоборного Собрания для подготовки к Собору, которое состоялось 1 июля 1930 года. Работы Предсоборного Собрания, длящиеся уже четыре года, еще не закончены, и такая медлительность подготовительных работ несколько ослабляет церковное сознание и у многих парализует надежды на Собор. Но надо думать, что есть серьезные причины медлительности, принимаемая во внимание сложные условия существования

Православной Церкви в Польше, состоящей, к тому же, из разных национальных групп.

В настоящее время Православная Церковь состоит из 5-ти Епархий, с семью Епископами, возглавляемыми Блаженнейшим Митрополитом Варшавским и всея Польши Дионисием; Варшавско-Холмская – Митрополит Дионисий, Виленская – Архиеп. Феодосий, Полесская – Архиеп. Александр, Волынская – Архиеп. Алексей, Гродненская – Еп. Антоний. Викарные: Симон, Еп. Острожский, Савва, Еп. Люблинский, и Поликарп, Еп. Луцкий. Числится всего – 1516 приходов: штатных – 1028, приписных – 488; церквей – 1948, часовен – 212. Всего Священно- и Церковнослужителей свыше 3000, в том числе – 1500 Священников. Для подготовки к пастырскому служению есть две Семинарии – в Кременце и Вильне, ныне реорганизуемые в богословские Лицеи, – и Богословский Отдел (в будущем Факультет) при Варшавском университете, как высшая богословская школа, дающая после ее окончания степень магистра богословия.

Кроме приходов и приходских церквей, очагами народного благочестия являются иноческие обители – мужские и женские, свыше 15-ти. Главная Православная Святыня всей Польши – Почаевская Свято-Успенская Лавра, с Цельбоносною Стопою Божией Матери, Чудотворною Иконою Божией Матери и Мощами Преподобного Иова.

Церкви Православной в Польше, по численности верующих, занимающей третье место, и самой многочисленной после Румынской и Югославянской Церквей (не считая Церкви в Сов. России), вообще, приходится жить не в легких условиях. Римо-католичество, чем дальше, все усиливает свой миссионерский натиск в сторону православных, не оставляя надежд на Унию и считая Православную Церковь в Польше форпостом для завоевания в будущем Сов. России; безбожная угроза с Востока; развращающее, особенно окраинное население, сектантство, а также и национальные трения, разделяющие верующих внутри самой Церкви, – все это требует большого напряжения церковных сил, прямо подвижничества, особенно со стороны духовенства, для успешной борьбы с врагами Церкви. Но Церковь, как целый организм, может правильно жить и достигать своих неземных целей, пребывая на земле, только тогда, когда она будет внутренне свободна, когда цели земные не будут закрывать целей небесных и превалировать; когда Церковь будет определена в своих юридических и имущественных правах. Все это компетенция Церковного Собора и предмет внимания к задачам Церкви Христианской Государственной Власти, поскольку последняя оценивает церковный организм, как важный и необходимый Государству моральный фактор».

Примечания

¹ Ныне с. Вербишно в Турийском р-не Волынской обл. Украины с деревянным храмом XIX в. во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

² Ныне с. Дратов в Люблинском воеводстве Польши. Каменная православная церковь во имя Святого Николая, построенная в 1880-е годы, в которой служил о. Терентий, сохранилась. Это приходской храм Люблинско-Холмской епархии Польской Автокефальной православной церкви.

³ Об этом забытом акте чудовищно циничного вандализма устно и печатно мы стали напоминать еще с 1980-х годов (*Лыбынцев, Щавинская* 1999: 10–11), но и тогда, и много позднее, даже и сейчас эта православная трагедия, бывшая одновременно общехристианской и мировой общекультурной, многими воспринималась и воспринимается не только с явной недружественной настороженностью, но и с неприятием, не давшим нам, в частности, возможность работать над этой темой и публиковать исследования о Варшавском соборе и его судьбе в академических изданиях. Поразительно, но даже некоторые российские искусствоведы и историки искусства не увидели в гибели варшавских православных храмов, осуществленных волею польского христианского народа, хотя бы культурной трагедии с уничтожением сотен и тысяч художественных памятников (см., например: *Свирида* 1992: 6).

⁴ История Вольского православного кладбища в Варшаве пока должным образом не изучена. Мы смогли непосредственно наблюдать все, с ним связанное, начиная с 1970-х годов, когда, в частности, можно было еще общаться с теми, кто прекрасно помнил протопресвитера Терентия Теодоровича. Они оказались живой летописью Русской Варшавы конца XIX – XX в., в том числе русского варшавского некрополя, о котором накопили множество ценнейших сведений, лишь в весьма незначительном числе опубликованных в польской православной печати. Совершенно несправедливо и даже кощунственно именовать их материалами «популярно-информационными» (*Paszkiwicz, Sandowicz* 1992: 57).

⁵ Текст этого моления широко распространился позднее, в том числе в рукописном виде, далеко на восток, в том числе на белорусско-русско-украинском пограничье (см.: *Лыбынцев, Щавинская* 2009: 285–291).

⁶ Мы не раз поднимали вопрос о необходимости широкого изучения обстоятельств этой трагедии и общей ее истории, однако тема эта, видимо, была нежелательной и даже запретной в российской академической науке, тем более она оказывалась прямо связанной с последующей поголовной депортацией польскими властями местного коренного восточнославянского населения.

⁷ РБО – Русское Благотворительное общество.

⁸ Русский Попечительский Комитет – Русский Попечительский Комитет над эмигрантами в Польше.

⁹ РОМ – Русское Объединение Молодежи или Объединение Русской Молодежи.

Источники и материалы

Григоревич 1954 – Григоревич А. Краткий исторический очерк Варшавского Вольского православного кладбища 1836–1936 гг. Варшава, 1954 (рукопись).

Гурко 1893 – Гурко И. В., генерал-губернатор. Воззвание // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1893. № 11. С. 169–170.

Гурко 1894 – Гурко И. В., генерал-губернатор. Воззвание // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1894. № 17. С. 273.

Дионисий 1933 – Дионисий, митрополит. К Православным Общественным Организациям гор. Варшава // Воскресное чтение. 1933. № 23. С. 357.

Из молебного пения 1930 – Из молебного пения о гонимых и страждущих за веру в советских республиках. [Варшава]: Варшавская Синодальная типография, 1930.

Прощальное Богослужение 1939 – Прощальное Богослужение О. Пресвитера Т. Теодоровича // Воскресное чтение. 1939. № 27. С. 426.

Свирида 1992 – Свирида И. Сорока сороков не получилось // Российская газета. 2 апреля 1992 г. С. 6.

Свитич 1959 – Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959.

Теодорович 1906 – Теодорович Т., свящ. Освящение церкви л-гв. Уланского Его Величества полка // Варшавский епархиальный листок. 1906. № 22. С. 182–183.

Теодорович 1907 – Теодорович Т., свящ. Современные задачи церковного прихода. Варшава, 1907.

Теодорович 1909а – Теодорович Т., свящ. Религия в жизни Гоголя: К столетней годовщине со дня рождения Н. В. Гоголя. 1809–1909. Варшава, 1909.

Теодорович 1909б – Теодорович Т., свящ. О. Иоанн Кронштадтский как учитель пастырства // Варшавский епархиальный листок. 1909. № 5. С. 54–56.

Теодорович 1909в – Теодорович Т., свящ. Необходима живая проповедь // Варшавский епархиальный листок. 1909. № 23. С. 264–266.

Теодорович 1910а – Теодорович Т., свящ. Первое приветственное слово священника к своей пастве // Варшавский епархиальный листок. 1910. № 5. С. 82–84.

Теодорович 1910б – Теодорович Т., свящ. Благотворительность в церковном приходе. Варшава, 1910.

Теодорович 1912 – Теодорович Т., свящ. Слово в столетнюю годовщину Отечественной войны 1812 – 26 авг. – 1912 г. // Варшавский епархиальный листок. 1912. № 18. С. 272–274.

Теодорович 1924а – Теодорович Т., прот. Из современной религиозно-философской литературы // Воскресное чтение. 1924. № 11. С. 167–168.

Теодорович 1924б – Теодорович Т., протопресвитер. Из современной религиозно-философской литературы // Воскресное чтение. 1924. № 39. С. 615–617.

Теодорович 1927а – Теодорович Т., протопресвитер, Б[ывший] Член Московского Всероссийского Собора от Варшавской епархии. В защиту Московского Всероссийского Церковного Собора (1917–1918 гг.) // Воскресное чтение. 1927. № 11. С. 146–148.

Теодорович 1927б – Теодорович Т., протопресвитер. К трехлетию Митрополитального благотворительного общества в Варшаве. [Варшава]: Варшавская Синодальная типография, 1927. С. 1–4.

Теодорович 1934 – Теодорович Т., протопресвитер. К годовому отчету Помощи голодающим в Сов. России // Слово. 1934. № 67. С. 376–377.

Теодорович 1935а – Теодорович Т. П., протопресвитер. К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.-1935. Ч. 2. Автобиографические воспоминания в связи с церковными событиями и переживаниями моей прошедшей жизни – школьной и служебной – до возвращения моего в Варшаву в 1921 году. [Варшава]: Варшавская Синодальная типография, 1935.

Теодорович 1935б – Теодорович Т. П., протопресвитер. К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.-1935. Ч. 1–3. Варшава: Варшавская Синодальная типография, 1935.

Теодорович 1935в – Теодорович Т. П., протопресвитер. К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.-1935.

Ч. 1. Сборник статей по церковным вопросам, напечатанных (есть и не печатавшиеся) в русских изданиях с 1923 по 1935 годы. Варшава: Варшавская Синодальная типография, 1935.

Теодорович 1935г – Теодорович Т., протопресвитер. Все так ясно и так повелительно // *Теодорович Т. П., протопресвитер.* К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.-1935. Ч. 1. С. 301–303.

Теодорович 1935д – Теодорович Т., протопресвитер. Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, за веру и правду Божию умученных и убиенных! // *Теодорович Т. П., протопресвитер.* К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.-1935. Ч. 1. С. 319.

Теодорович 1939 – Теодорович Т. П., протопресвитер. Прощальное литургийное слово пастыря в день Первоверховных Апостолов Петра и Павла // *Воскресное чтение.* 1939. № 29. С. 454–455.

Теодорович рукопись – Теодорович Т., протопресвитер. Скорбное обращение (рукопись).

Цветаев 1910 – Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и место погребения его в Польше. 1610–1910 гг.: Историческое исследование. Т. 1. М.; Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1910.

Шингарев 1915 – Шингарев В., протоиерей. Варшавская епархия в 1914 году // *Варшавский епархиальный листок.* 1915. № 1. С. 9–11.

Sendulski – Sendulski M. Cmentarz prawosławny w Warszawie na Woli. S. 11 (рукопись).

Skorowidz 1923 – Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Т. IX. Województwo Wolińskie. Warszawa: Główny urząd statystyczny Rzeczypospolitej, 1923.

Wol-Wolanowski 1930 – Wol-Wolanowski I. Listy prawosławnego o prawosławju w Polsce // *Kurjer Wileński.* 1930. № 164. S. 2.

Z Cerkwi prawosławnej 1930 – Z Cerkwi prawosławnej w Polsce // *Kurjer Warszawski.* 1930. № 148. S. 4.

Научная литература

Купранец О. Ф., ЧСВВ. Православна црква в Міжвоєнній Польщі: 1918–1939. Рим: Вид-во ЧСВВ, 1974.

Лабынцев Ю. А. Виднейшие религиозные деятели Русского Зарубежья о патриархе Тихоне и судьбе православия в довоенном Союзе ССР: протопресвитер Терентий Теодорович // *Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России».* Нижний Новгород–Саров–Дивеево. 28 июня – 2 июля 2007 года / отв. ред.: Т. А. Воронина, Е. Е. Тростникова, К. В. Цеханская. Н. Новгород: Глагол, 2008. С. 181–189.

Лабынцев Ю. А. Исповедник церковной соборности: духовное наследие протопресвитера Терентия Теодоровича (1867–1939) // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Международной научной конференции, Иваново, 30–31 марта 2022 г.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 5–9.

Лабынцев Ю. А. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // *Славяноведение.* 1995. № 4. С. 51–62.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Александра Невского собор в Варшаве // *Православная Энциклопедия.* Т. 1. М., 2000. С. 547–548.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Русское зарубежье межвоенной Польши и о. Терентий Теодорович // *Polska w Rosji – Rosja w Polsce. Dialog kultur.* Poznań: Wydaw. nauk. INPiD UAM, 2003. S. 25–37.

Лабынцев Ю., Щавинская Л. Александрo-Невский собор в Варшаве // *Радонеж.* 1999. № 9. С. 10–11.

Лабынцев Ю., Щавинская Л. Протопресвитер Терентий Теодорович // *Cerkiewny wiestnik.* Warszawa, 2005. № 3. С. 41–46.

Akcja burzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu w 1938 roku: Uwarunkowania, przebieg, konsekwencje / pod. red. G. Kuprianowicza. Chełm: Prawosławna Diecezja Lubelsko-Chełmska, 2009.

Dudra S. Mitropolita Dionizy (Walediński) 1876–1960. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2010.

Dudra S. Mitropolita Dionizy wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Cerkwi Prawosławnej w Polsce w latach 1918–1939 // *Историчний архів.* 2012. Вип. 8. С. 33–34.

Mazur S. Emigracja rosyjska w Polsce w okresie międzywoennym. Zarys problemy // *Res Geste.* 2015. № 1. S. 180–182.

Mironowicz A. Chrest Polski z różnych perspektyw // *Rocznik Teologiczny.* 2017. Z. 1. S. 37–73.

Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia (1918–1939). Warszawa: Państw. wydaw. nauk., 1989.

Paszkiewicz P. Pod berłem Romanowów: Sztuka rosyjska w Warszawie. 1815–1915. Warszawa: Instytut Sztuki – Polska Akademia Nauk, 1991.

Paszkiewicz P., Sandowicz M. Cmentarz prawosławny w Warszawie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992.

Znosko A., ks. dr. Pamiętajcie o swych nauczycielach // Przegląd Prawosławny. 1994. № 3. S. 23–25.

References

- Akcja burzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu w 1938 roku: Uwarunkowania, przebieg, konsekwencje* [Demolition of Orthodox churches in the Chełm region and Southern Podlasie in 1938: conditions, course, consequences]. 2009, edited by G. Kuprianowicz. Chełm: Prawosławna Diecezja Lubelsko-Chełmska.
- Dudra, S. 2010. *Mitropolita Dionizy (Waledziński) 1876–1960* [Mitropolitan Dionysius (Waledziński) 1876–1960]. Warsaw: Warszawska Metropolia Prawosławna.
- Dudra, S. 2012. Mitropolita Dionizy wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Cerkwi Prawosławnej w Polsce w latach 1918–1939 [Mitropolitan Dionysius on the Ukrainian and Belarusian issues in the Orthodox Church in Poland in the years 1918–1939]. *Istoričnii arkhiv* 8: 33–34.
- Kupranets, O. F., ChSVV. 1974. *Pravoslavna tserkva v Mizhvoennii Pol'shchi: 1918–1939* [Orthodox Church in Interwar Poland]. Rome: Vid-vo ChSVV.
- Labyntsev, Yu. and L. Shchavinskaja. 1999. Aleksandro-Nevskii sobor v Varshave [Alexander Nevsky Cathedral in Warsaw]. *Radonezh* 9: 10–11.
- Labyntsev, Yu. and L. Shchavinskaja. 2005. Protopresviter Terentij Teodorovich [Protopresbyter Terenty Teodorovich]. *Cerkiewny wiestnik* 3: 41–46.
- Labyntsev, Yu. A. 1995. Protopresviter Terentii Teodorovich kak tserkovnyi pisatel' [Protopresbyter Terenty Teodorovich as a church writer]. *Slavianovedenie* 4: 51–62.
- Labyntsev, Yu. A. 2008. Vidneishie religioznye dejateli Russkogo Zarubezh'ia o patriarkhe Tikhone i sud'be pravoslaviia v dovoennom Soiuze SSR: protopresviter Terentii Teodorovich [The most prominent religious figures of the Russian Diaspora about Patriarch Tikhon and the fate of Orthodoxy in the pre-war USSR: Protopresbyter Terenty Teodorovich]. In *Pravoslavnaia tserkov' i gosudarstvo v istoricheskoi sud'be Rossii. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii «Nasledie prepodobnogo Serafima Sarovskogo i sud'by Rossii»* [Orthodox Church and state in the historical fate of Russia. Materials of the IV All-Russian Scientific and Theological Conference «The Legacy of St. Seraphim of Sarov and the Fate of Russia»], edited by T. A. Voronina, E. E. Trostnikova and K.V. Tsekanskaia, 181–189. Nizhny Novgorod: «Glagol».
- Labyntsev, Yu. A. 2022. Ispovednik tserkovnoi sobornosti: dukhovnoe nasledie protopresvitera Terentia Teodorovicha (1867–1939) [Confessor of Church conciliarity: the spiritual heritage of Protopresbyter Terenty Teodorovich (1867–1939)]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [State, society, church in the history of Russia of the XX–XXI centuries: materials of the XXI International Scientific Conference], edited by A. A. Kornokov, 5–9. Ivanovo: Ivanovo State University.
- Labyntsev, Yu. A. and L. L. Shchavinskaja. 2000. Aleksandra Nevskogo sobor v Varshave [Alexander Nevsky Cathedral in Warsaw]. In *Pravoslavnaia Entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 1: 547–548.
- Labyntsev, Yu. A. and L. L. Shchavinskaja. 2003. Russkoe zarubezh'e mezhvoennoi Pol'shi i o. Terentii Teodorovich [The Russian Diaspora of interwar Poland and fr. Terenty Teodorovich]. In *Polska w Rosji-Rosja w Polsce. Dialog kultur* [Poland in Russia – Russia in Poland. Dialogue of cultures], edited by Ryszard Paradowski and Szymon Ossowski, 25–37. Poznań: Wydawnictwo naukowe INPiD UAM.
- Labyntsev, Yu. A. and L. L. Shchavinskaja. 2009. *Narodnaia literatura belorusko-russko-ukrainskogo pogranich'ia* [Folk literature of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Mazur, S. 2015. Emigracja rosyjska w Polsce w okresie międzywoennym. Zarys problemy [Russian emigration in Poland in the interwar period. Outline of the problem]. *Res Geste* 1: 180–182.
- Mironowicz, A. 2017. Chrest Polski z różnych perspektyw [Baptism of Poland from different perspectives]. *Rocznik Teologiczny* 1: 37–73.
- Papierzyńska-Turek, M. 1989. *Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia (1918–1939)* [Between tradition and reality: the state versus the Orthodox Church (1918–1939)]. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Paszkievicz, P. 1991. *Pod berłem Romanowów: Sztuka rosyjska w Warszawie. 1815–1915* [Under the scepter of the Romanovs: Russian art in Warsaw. 1815–1915]. Warsaw: Instytut Sztuki – Polska Akademia Nauk.
- Paszkievicz, P. and M. Sandowicz. 1992. *Cmentarz prawosławny w Warszawie* [Orthodox cemetery in Warsaw]. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Znosko, A., ks. dr. 1994. Pamiętajcie o swych nauczycielach [Remember your teachers]. *Przegląd Prawosławny* 3: 23–25.

RUSSIAN WARSAW OF PROTOPRESBYTER TERENCEY TEODOROVICH
(1867–1939)

Abstract. The article is devoted to the activities of Orthodox protopresbyter Terenty Teodorovich, a native of Volhynia, whose pastoral ministry was closely connected with the fate of Russian Warsaw in the first half of the twentieth century. A member of the «Most Holy Council of the Orthodox Russian Church» of 1917–1918 from the Warsaw diocese, who actively interacted with the Holy Patriarch Tikhon, he became one of the most remarkable, but, unfortunately, almost forgotten representatives of the Russian Diaspora.

Key words: Protopresbyter Terenty Teodorovich, Orthodoxy, Russian Warsaw, Orthodox Poland, Orthodox Warsaw, Russian Abroad.

